

18+

Евгений СКОБЛОВ

АЛЬБОМ ВРЕМЕНИ №. 7

Евгений Скоблов

Альбом Времени №7.

Повесть и рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51848568

ISBN 9785449855961

Аннотация

В книге представлены повесть «Альбом Времени» и рассказы разных лет. В повести автор исследует возможность виртуального перемещения во времени. В целях осмысления былого герой возвращается (в воображении) в Прошлое в надежде что-то изменить в своём личном отношении к некоторым драматическим событиям, а также разобраться, каким образом реальность Минувшего воздействует на Настоящее и повлияет на Будущее. В оформлении книги (обложка, иллюстрации) использованы работы художника Евгении КОКОРЕВОЙ.

Содержание

АЛЬБОМ ВРЕМЕНИ	5
№1. Планы на Прошное	7
Тырмак	12
Ночная – 84	19
Окно	23
Велосипедная история	27
№2. Опоздание на поезд	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Альбом Времени №7

Повесть и рассказы

Евгений Скоблов

Художник Евгения Кокорева

© Евгений Скоблов, 2021

ISBN 978-5-4498-5596-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АЛЬБОМ ВРЕМЕНИ

*Словно камень
Скатился
С высокой горы,
Так упал я
В сегодняшний день.*

Исикава Такубоку

№1. Планы на Прошное

Я романтик и мечтатель.

Таковым был в детстве, юности и в зрелом возрасте тоже. Таковым остаюсь и сейчас, хотя многим моим ровесникам это может показаться забавным... Это проявляется в моей повседневной жизни, занятиях и увлечениях. И поскольку в последнее время часто случаются дни, когда свободного времени в избытке, я заполняю их тем, на что никогда не хватало времени в прошлой жизни.

В те беспокойные и часто бестолковые времена я появлялся дома лишь затем, чтобы поспать. А иногда, образно говоря, «размазанный по стенке» на работе и летая из командировки в командировку, вообще не появлялся неделями. Путь, которым я продвигался во мраке безысходной повседневности был нелёгким, а порой просто опасным. На этом пути (куда меня определили родители в конце 1970-х) я оставил много сил и здоровья. Бывал бит и унижен, иногда ставил на карту всё что имел. И тем не менее. Поскольку я был занят на государственной службе, существование моё и моей семьи было в целом безбедным и достаточно стабильным. Правда, последние пять лет этой деятельности стали для меня сущим адом, и я до сих пор не могу взять в толк, каким образом мне удалось выжить... Наверное, помог природный оптимизм, подкреплённый мечтами о будущей пре-

красной, насыщенной событиями, яркой жизни и романтикой предстоящих дальних странствий и встреч с новыми интересными людьми...

К счастью (в данном случае – к счастью безусловно) всё в этом мире имеет свойство заканчиваться. И однажды, достаточно прозаично, без эмоций и переживаний я закончил свои служебные изыскания и получил, наконец, то о чём мечтал – долгожданную свободу. Через некоторое малое время я снова превратился из придавленного ответственностью работяги в активного мечтателя и неисправимого романтика. Постепенно я выбросил из своей жизни всё, что напоминало о прошлом. В это «всё» попали прежние привычки и некоторые жизненные установки, а также несколько знакомых и тех, кто когда-то называл себя друзьями. Собственно, я и сам стал им ни к чему, потому что наше совместное существование подошло к логическому завершению, и просто пришла пора разойтись в разные стороны.

В моей новой и светлой жизни, которая поначалу мне показалась чем-то нереальным (после десятилетий, проведённых в иерархической системе с жесткими порядками и традициями), ведущие позиции заняли Литература, Музыка, Кино, Живопись и ещё двадцать пять разных увлечений, включая общение с новыми друзьями в социальных сетях. Я вернулся к СПОКОЙНОМУ просмотру телепередач и чтению книг, главным образом тех, что пропустил в Про-

шлом. Кроме современной прозы и поэзии, я снова обратился к отечественной и зарубежной фантастике 60-70-х годов прошлого века, которая заняла особое место в моём новом мире. Кстати, многие книги удалось приобрести через интернет, а некоторые у продавцов старины на Вернисаже в Измайлово.

Конечно, мир очень изменился и произведения, созданные 50—60 лет назад необходимо читать с учётом современных реалий, хотя в своё время многие из них относились к жанру «научная фантастика». Сам процесс чтения таких книг напоминает виртуальное путешествие в Прошлое. И в этой связи, основная тема, которая меня сейчас волнует – это как раз перемещение во времени и сквозь пространство. Идеи, которые разрабатывали писатели-фантасты в середине – второй половине прошлого века, меня манят и привлекают. Парадоксы Времени, параллельные миры, специальные рукотворные устройства, вроде «хронокамер» и мистические порталы для перехода в Прошлое и Будущее...

После того, как (уже в Новом времени) я прочитал массу новой и старой литературы, включая «Лангольеры» и «11/22/63» Стивена Кинга, я понял, что тема путешествий во времени чрезвычайно многообразна и практически неисчерпаема. Конечно, всем понятно что переместить во времени какой-нибудь предмет, и тем более кого-нибудь из энтузиастов-экспериментаторов в современных условиях невозможно. И уж, тем более что-то изменить в Прошлом. То, что

состоялось однажды определило дальнейшее развитие действительности и ход событий, каждое из которых, в свою очередь дало свои ответвления, и так далее без конца.

Но я часто задумываюсь не об изменении, а о возможности... виртуальной, воображаемой психологической *корректировки* некоторых событий минувшего, если такое определение здесь уместно. Небольшой поправке в памяти каких-то моментов в Прошлом одного, отдельно взятого мечтателя-мыслителя... такого как я, например. Это, возможно, помогло бы снять некоторые вопросы, что мучили меня, и ответы на которые я не мог найти долгие годы. И в какой-то мере поспособствовало бы исправлению некоторого психологического перекоса, образовавшегося в результате незаконченности каких-либо событий там, в Прошлом... и продолжающих влиять на меня – сегодняшнего. Вот завернул, скажете вы. А я скажу: почему бы и не попробовать? Тем более, что это относительно безопасно и совершенно бесплатно...

Итак, попытаемся? Для ориентировки в потёмках было-го у нас имеется любительское домашнее кино, которым занимался мой папа, практически начиная с моего появления в этом мире, Очень Большой Фотоархив, начатый ещё в тридцатых-сороковых годах прошлого века. Некоторые вещи и предметы, что путешествуют со мной по времени с 1960-х – 1970-х годов... И, самое главное, мои личные дневники, которые я начал вести в августе 1974 года. Кстати,

к этому тоже приложил руку мой папа.

Сразу скажу: кому не интересно, могут закрыть книжку. А кто со мной, можно заварить себе чаю, и, раз уж такое дело, вспомнить кое-что из своего Прошлого, сделать его чуточку ближе и немножко милосерднее...

Тырмак

После открытого урока по русской литературе, кучка отличившихся учеников, среди которых был и я, сгрудились около учительского стола Евгении Михайловны. Все протягивают свои дневники, кто-то из девочек тетрадки с изложением, чтобы получить свои отличные и хорошие отметки. Мы – семиклассники и для нас ещё пока очень важны оценки, выставленные нашими учителями в дневниках и тетрадках по всем предметам. Это через год-полтора самые отчаянные и «отвязные», крутые и всезнающие будут демонстрировать своё равнодушие и «пофигизм» в отношении отметок и записей классного руководителя на полях дневника. А некоторые, особенно сообразительные заведут себе по два дневника – один для «хороших» оценок и благодарностей, другой, соответственно, для всего остального. Интересно, как это я сам не догадался до такого простого решения... Это – образец зарождающегося понятия об «умении жить» в нашем непростом мире, который, впрочем, нам казался простым и понятным в 1975 году. Но ни тогда, ни позже, да и сейчас «уметь жить» я не научился, если иметь в виду что-то вроде наличия двух дневников. Что-то в глубине души (помимо прямых указаний родителей и учителей) мне подсказывало, что всё должно быть по-честному. Отличился – получи похвалу, провинился, получи по заднице... Неосо-

знанно я чувствовал, что стоит лишь один, максимум два раза пойти против совести и это сойдёт с рук, ложь станет обычным делом, и в мелочах и в крупном, а в итоге всё закончится, мягко говоря, не очень хорошо. Здесь я бы хотел сказать отдельное спасибо моей маме, которая не выносила лжи и связанных с ней подлости и двуличия. Пару раз, ещё в младших классах за попытку соврать я был ею нещадно избит... и мы к вопросу о том, говорить ли правду или что-то иное больше не возвращались.

После того урока, где я удачно ответил по творчеству Николая Васильевича Гоголя, мне очень хотелось, чтобы в дневнике красовалась очень красивая и очень красная «четвёрка» с плюсом по русской литературе. Во время ответа «с места» я выдал экспромт состоящий из собственного представления о произведениях классика (к тому времени мне удалось прочитать весь «украинский цикл» Н. В. Гоголя), который оказался в целом созвучным с требованиями программы советской школы. И Евгения Михайловна сказала, что это был бы лучший ответ на уроке, если бы я закончил своё выступление «выводами», о которых она говорила на прошлом занятии. А поскольку не додумался, то не «пятёрка», а «четыре» и даже с «плюсом», что тоже прекрасно характеризует моё отношение к русской литературе в целом. И я был рад, поскольку очень любил предмет (в числе истории, географии физкультуры и английского), но за свои письменные работы почему-то почти всегда получал «трой-

ки». Именно в «тройках» и очень редких «четвёрках» была моя толстая общая «литературная тетрадь», которую я завёл в начале учебного года, хотя вести такие тетради ученикам не позволялось.

Я стоял среди других учеников, склонившись к столу учителя и вдруг почувствовал, что сзади кто-то довольно сильно отпускает мне «леща» по пятой точке. Я не глядя отмахнулся, но удары не прекращались. Обернулся и увидел широкую улыбку одноклассника – охламона по фамилии Тирмак. Здоровенный детина для своих лет (примерно на голову выше меня), таким образом развлекался, и, видимо, ему было очень весело. Евгения Михайловна этого видеть не могла, она была занята выставлением отметок в классный журнал, дневники и тетради. Она также не заметила, как я сначала оттолкнул Сергея (так звали Тирмака) и сказал: «Э-э, чувак, завязывай!». Но он остановиться не смог и упустил момент, когда шутка вышла за рамки шутки и нужно было прекратить. Просто оставить меня в покое и выйти класса. Евгения Михайловна обратила свой взор на нас только тогда, когда я, возможно сам того не желая, резко развернулся и провёл очень сильный и очень точный удар правой в челюсть Тирмака.

Это было ужасно. Голова Сергея откинулась, самого его отбросило примерно на два шага и, хотя на ногах он устоял, глаза, что называется «поплыли». Я тут же очень пожалел об этом. Никогда больше ни «до» ни «после» мне не было

так больно и стыдно от собственного поступка. Я повернулся к учителю и увидел БОЛЬ в её глазах, за стёклами очков. Это была боль и за Тирмака, и за меня... Не помню точно, что она тогда сказала, но голос её дрожал и это усилило трагизм ситуации.

Сергей Тирмак был слабым учеником, умом, смекалкой и физической ловкостью не отличавшийся. Но человеком он был беззлобным, достаточно щедрым и в общем, обыкновенным весёлым шалопаем. После окончания восьмого класса его родителям объяснили в администрации школы, что обучение в девятом классе Сергею не по силам и будет лучше, если он поступит в техническое, в крайнем случае профессионально-техническое учебное заведение.

Евгения Михайловна продолжала что-то говорить, и я почувствовал, что в её возмущении от произошедшего, кроме собственно, оценки моего безобразного поступка, было что-то ещё. Через много лет, вспоминая этот случай, я понял **что**. За нестандартностью и некоторыми странностями в поведении Тирмака, она усматривала слабость и отставание в развитии. Наши учителя всегда видели и знали больше, чем мы. Они, что называется, кожей чувствовали своих учеников, опираясь на многолетний педагогический и жизненный опыт. И ей было очень жаль Сергея... Блин, я сам едва не расплакался, прямо там, на месте.

Сергей взял портфель и, опустив плечи, став при этом чуть ли не в полтора раза меньше в размерах, тихонько вы-

шел из класса. Девочки, стоявшие рядом словно онемели, они никак не ожидали от меня такой злой и нехорошей прыти... Господи, как же мне было стыдно! Я попытался всем объяснить, как было дело, и за что, собственно я его ударил, но прозвучало это не убедительно, как оправдание.

Евгения Михайловна молча взяла мой дневник, молча вывела мою «четвёрку» и молча отдала дневник. С тех пор все мои усилия по русской литературе, вплоть до выпускного экзамена в десятом классе, оценивались не выше оценки «хорошо», хотя я любил, знал гораздо больше, чем этого требовала программа и претендовал на более высокую отметку. На устном экзамене по литературе я ответил на «отлично», но Евгения Михайловна, похвалив меня перед членами комиссии (состоящей ещё из двух преподавателей и завуча) и поставив в пример другим ученикам, аккуратно поставила «четвёрку» в экзаменационную книжечку, и я знал почему. Впрочем и за сочинение, на которое отводилось шесть часов, и которое я с удовольствием написал (по книге Леонида Ильича Брежнева «Малая земля»), на мой взгляд очень хорошо и без единой грамматической ошибки, я тоже получил «хор», но не был удивлён, потому как знал, что виноват...

А что же Тырмак? В тот же день, через два урока он подошёл ко мне на перемене, протянул руку и предложил «мир». Но с условием, что «в ответку» он даст мне по физиономии. Честно говоря, я был в совершенно разобранном состоянии, но руку ему пожал. А он, чисто символически прило-

жил мягкий кулак к моей щеке. После окончания занятий мы шли вместе до угла улицы Двадцать пятого октября и болтали о всякой всячине...

В дальнейшем, на некоторое время мы стали если не друзьями, то хорошими приятелями и даже в летние каникулы несколько раз, вместе с другими ребятами ездили на рыбалку в районный посёлок Маломолинцы.

Ну и что тут можно изменить, или «подправить», спросите вы. И вправду, что было, то прошло... Но дело в том, что я не помню одной детали во всей этой истории. Я не помню, извинился ли я перед Сергеем Тырмаком. И попросил ли прощения у Евгении Михайловны за свой, неоправданно жестокий поступок. Это не отпечаталось в памяти, как все остальные детали. Сорок пять лет – слишком большой отрезок времени, по сути, целая жизнь.

И вот... раз уж я не в силах изменить того, что произошло тогда в классе русской литературы, то я, по крайней мере, в силах *представить*, что принёс извинения учителю литературы сразу после того, как Тырмак покинул класс. А потом, когда Сергей подошёл ко мне мириться, попросил прощения у него самого. И, если этого вдруг не случилось тогда (поскольку точно не помню), то пусть произойдёт сейчас... и тогда.

Итак.

Уважаемая Евгения Михайловна, прошу меня простить за то, что я ударил своего товарища в Вашем присутствии...

Нет. Прошу простить за то, что повёл себя недостойно и ударил человека.

Сергей, я глубоко опечален этим своим поступком. Сквозь десятилетия я страдаю, вспоминая этот день и этот случай. Я знаю, что ты меня простил ещё тогда, но этого было недостаточно, а вот теперь, может быть, в самый раз.

Не могу с уверенностью утверждать, что всё о чём я написал может иметь для кого-то значение. Кто-нибудь, прочитав всё это, сочтёт мои идеи полной ерундой, и, разумеется, по своему будет прав. Но мне кажется, что где-то там, в другом измерении что-то может поменяться. Может быть, станет немного теплее.

Во всяком случае, мне очень хотелось бы.

Ночная – 84

Новый 1984 год мы с приятелем встречали в одном ко-
стромском ресторане. За праздничном столиком (горят све-
чи, установлена маленькая декоративная ёлочка, а для каж-
дого гостя – маленький сувенир) мы, два молодых специали-
ста и четыре прекрасных (и судя по всему опытных) женщи-
ны. Дамы пришли в ресторан не только встретить Новый год,
но и с кем-нибудь познакомиться. Пусть не на весь год, но,
хотя бы на новогоднюю ночь. Специалисты – в первую оче-
редь отдохнуть от дел многотрудных в приятной обстановке.

В разгар веселья одна из наших дам сообщила мне (мы
как раз танцевали «мамбу» с прихлопом), что у неё дома есть
всё, что нам нужно, и будет всё, как мне захочется. И больше
никого нет. Я не ответил ни «да», ни «нет», потому что было
уже два часа новогодней ночи, и я, достаточно охмелевший,
приметил другую женщину (она всё время хохотала, чем, на-
верное и привлекла моё внимание) за нашим столиком, с ко-
торой мне хотелось бы проснуться утром 1 января.

Потом та, у которой было всё, и кто желал меня для пол-
ного счастья, растворилась в новогодней тьме с кем-то дру-
гим. А у той, кого я представил в постели с фужером искри-
стого шампанского утром первого числа, не было такого до-
ма, где кроме нас с ней никого бы не было. Поэтому, несколь-
ко позже я увлёк её в гости к приятелю, которого потерял
из вида в ходе праздника. Он снимал двухкомнатную квар-
тиру в Черноречье, и мы заранее договорились, что в слу-

чае успеха на амурном фронте – каждому по комнате. Но договор оказался аннулирован в одностороннем порядке, поскольку дверь мне с моей новогодней знакомой открывать никто не собирался. Даже, если бы я стал колотить в неё ногами.

Мы понуро вышли из холодного подъезда и оказались на пустынном шоссе. Мне удалось остановить одинокий бензовоз, в уютной и прокуренной кабине которого подвёз свою, несостоявшуюся в полном объеме запланированных мероприятий подружку, до её дома. Мы легко распрощались и не договорились о следующей встрече.

Мне хорошо запомнилась та ночь, хотя из памяти стёрлись лица женщин – участниц нашего новогоднего застолья и «друга», с которым мы договаривались разделить его съёмную квартиру. Долгие годы, вспоминая об этом развесёлом событии, я сожалел, что не пошёл к той мадам, что обещала все радости мира...

И вот теперь... не следует ли мне поразмыслить (в рамках нашего виртуального путешествия в начало 1984 года) и поставить, наконец, точку в этой, почти забытой но неоконченной истории? А почему, собственно, неоконченной? Ведь всё уже состоялось, а точнее ничего не состоялось, но минуло, кануло в вечность. Хотя не исключено, что где-то там, в параллельном воображаемом мире, в новогоднюю ночь с 1983 на 1984 год я согласился, и мы вместе с загадочной незнакомкой исчезли из сверкающего огнями новогодней ёл-

ки ресторанный зала и очутились в квартире неподалёку. И в этом случае, для меня за «горизонтом событий» остаётся знание того, кем и где бы я был сегодня, в новой реальности, если бы тогда дал согласие на приглашение, а не поступил по своему выбору. Наверное, тот кто видит гораздо дальше чем я, посчитал, что мне не следует ехать в дом, где есть всё, и больше никого нет. Он и направил меня к человеку, который ничего мне не дал, но ничего и не отнял.

Поэтому... я меняю направление мысли, а вернее, направляю мысленный сигнал самому себе в ночь на 1 января 1984 года, глядя на маленького пластикового страуса (этот, чудом сохранившийся сувенир с того новогоднего стола, теперь стоит на моём рабочем столе). Сигнал заключает в себе мысль о том, что я ни за какие коврижки не должен соглашаться на романтическую встречу, но главное, в дальнейшем не сожалеть об этом...

Вот... теперь всё. Теперь, всматриваясь сквозь прозрачную, но мутноватую стену времени, разделяющую Настоящее и Прошрое, я вижу себя солнечным утром 1 января 1984 года, бодро шагающим в Дом культуры, где должен организовать и провести новогодний утренник для детей работников нашего объединения.

Окно

Не могу сказать, что пацанва, с которой меня свела судьба в одном из бесчисленных военных городков, где служил мой папа в начале семидесятых прошлого века, отличалась дружелюбием. Во всяком случае, по отношению ко мне. Нет, конечно, открытого противостояния не было, может быть только подрались пару раз с одним мальчиком, который считал, что именно он должен, просто обязан был меня отлупить. В общем, ничего необычного. Но и дружить со мной никто особенно не стремился. Как-то раз позвали сыграть в «двадцать одно» на баскетбольную площадку, «на нос». Проигравший должен был прокатить носом баскетбольный мяч по периметру площадки четыре раза. Проигравшим оказался, разумеется, я. Вообще-то, для того и позвали. Всем, кроме меня было очень весело. Хотя бывали и другие моменты, более приятные и весёлые, но так уж мы устроены, что боль запоминается сильнее, и враги запоминаются навсегда.

Однажды один из моих приятелей влез к нам на балкон (мы жили на первом этаже) и заплёвал через трубочку всё оконное и дверное стекло. Ему не понравилось, что я был занят уроками и не пошёл с ним гулять. Я смотрел на него сквозь грязное уже стекло, а он всё плевал и плевал. До тех пор, пока не закончились «боеприпасы» – разжёванная макаронная крошка. Его «отпадную» выходку шумно одобри-

ли ещё несколько приятелей, околачивающихся поблизости. Они гоготали и улюлюкали, наслаждаясь картиной этого безобразия. Наверное, мне следовало открыть балкон, и дать ему по морде. Но я этого не сделал. Не потому что побоялся, а потому, что в общем, не знал, как следует реагировать на это действие. Ведь Юрка считался моим другом...

Потом с работы пришла мама. Конечно же, в первую очередь её заинтересовало, кто уделал наше балконное окно. Наверное, мне нужно было сказать, что меня не было дома, и я не знаю, кто это сделал. Может быть. Даже если мальчик Юра, по сути дела, плевал в меня, надо было попросту утереться и потом превратить среди других ребят всё это в шутку.

Но мама разозлилась не на шутку. Я ведь тогда даже и представить себе не мог, что мой дружок плевал не только в меня... Он плевал в Наш Дом. Наверное, так представляла себе это мама. Поэтому, в тот же день, немного позже, он снова появился на нашем балконе, с тряпкой и злобой в глазах, и как мог, вытер стекло. Плохо вытер, но вытер. После этого остальные ребята смотрели на меня по-волчьи. В их глазах, я был паршивцем, который «предал» друга.

Когда всё окончилось, я ничего не сказал маме, а мама ничего не сказала папе. И маме Юрки, потому что они прилеплялись между собой. И вообще, вся эта история как-то быстро забылась и её никто не вспоминал. Даже те, кто улюлюкал и кривлялся, пока мой друг вытворял своё гнус-

ное дело.

Мне неизвестно, как в дальнейшем сложилась судьба этого мальчика и живы ли сейчас его родители. Моя мама покинула наш мир несколько лет назад. А мне захотелось немного «подправить», внести небольшую корректировку в эту историю, раз уж речь об этом. Она может заключаться лишь в том, что мне теперь хочется поблагодарить маму за этот урок, который она преподавала всем. Мне, Юрке и остальным друзьям-приятелям, что наслаждались плевками в чужое окно, не в силах ни на минуту представить, что это могло бы быть окно кого-нибудь из них. Они стали свидетелями преступления и наказания, молча созерцая процесс «очищения» – не только окна, но и психологического пространства между нами, тоже заплёванного.

В дальнейшей жизни мне приходилось ещё много раз утираться после подобных (не по форме, но по содержанию) выходов некоторых моих знакомых и даже друзей. Но вот что интересно... Все, кто наносил мне обиды и психологические травмы – не заслуженные, а просто так, из «озорства», впоследствии так или иначе расплачивались за это. Впрочем, к нашему делу это отношения не имеет.

Этот эпизод из детства меня кое-чему научил, кое в чём убедил, поэтому я сейчас и параллельно в Прошлом говорю добрые слова маме (которые, к сожалению не так уж и часто говорил при её жизни) за то, что тогда произошло и она меня отругала, поскольку я даже не попытался этого предот-

вратить.

И вот, постепенно уходит, исчезает во времени и пространстве тот психологический и моральный груз, что периодически всплывал из глубин памяти и давил в течение почти 50 лет. А его ошмётки медленно растворяются в других, более приятных воспоминаниях того периода моей жизни, в тех мгновениях моего прекрасного детства.

Велосипедная история

Где-то в 1975 или 1976 году после долгих уговоров, слёз и скандалов, родители, наконец, купили мне мой первый велосипед. Впрочем, он оказался и последним.

После месяца, может быть, двух счастья обладания новым великом марки «Минск» и весёлых велосипедных прогулок в компании приятелей, велосипед украли. Это сделали хулиганствующие ребята, немного постарше меня, с нашего двора. Кражу совершали цинично, чуть ли не на глазах у всей детворы, правда, пока меня не было поблизости. Они проникли в подвал, где стоял велосипед, сбили с петель простенький замок, и сначала, открутили заднее колесо. Я обнаружил это, когда ко мне приехал приятель из другого района, и мы собирались на наших велосипедах съездить искупаться на речку. Я, чуть ли не взвыл от обиды, и, замечая кривые ухмылки воров, которые околачивались поблизости, стал о чём-то смутно догадываться, но поделаться ничего не мог.

Я ничего не сказал родителям, и, наверное, зря, потому что через два дня, велосипед пропал окончательно. Это был очень сильный удар. Но главное, я не мог понять, в чём дело. Ведь в нашем дворе у ВСЕХ мальчишек были свои велосипеды, а у кое-кого и по два. Ребята постоянно возились со своими «лайбами» за домом, проводили мелкий ремонт, подкачивали шины, то снимали, то ставили «крылья» на зад-

ние колёса. Словом, постоянно усовершенствовали и модернизировали свои машины. Я видел, как предполагаемые воры, разобрав какой-то из велосипедов, красят раму, обода колёс. И снова, смутные догадки бродили внутри моего существа. Но, во-первых, я побаивался этих ребят, поскольку знал, что некоторые из них уже курили, пили вино и водили знакомство с «подозрительными личностями». Во-вторых, у меня не было доказательств, и в-третьих, я знал, что в случае конфликта, никто из остальных ребят за меня не заступится. Несмотря на возраст юный, людьми они были злыми, и ожидать от них можно было всего что угодно.

И всё же, я не выдержал, и со слезами рассказал обо всём дома. Папа взял меня за руку и отвёл в отделение милиции, где я поведал, как было дело очень внимательному и серьёзному капитану, а папа написал заявление. Милиционер попросил рассказать обо всём ещё раз подробнее, сделал кое-какие записи в блокнот и задал несколько вопросов.

Воров поймали через два дня. Ими оказались те, о ком я и думал. При этом, виноватыми оказались непосредственные исполнители, а вот подстрекатели остались «чистенькими». Трёх малолетних негодяев привлекли к ответственности, их родителей тоже. Я не знаю, были к ним применены какие-нибудь дополнительные меры «воспитательного» воздействия, но, как мне стало известно позже, двое из троих уже состояли на учёте в детской комнате милиции.

В общем, дело это закончилось тем, что воры молча,

и не глядя в глаза, вернули велосипед, очищенный и отмытый от краски, но теперь, какой-то для меня чужой. Немного кособокий, слегка дребезжащий, в общем, «усталый и постаревший».

Пару дней я сидел дома, боялся выйти на улицу. Я опасался, что меня собираются побить, но не те, кто украл, а их дружки. Те кто всё видел, всё знал и тихонько посмеивался... Папа мне тогда сказал, что я могу быть совершенно спокоен, поскольку эти «дворовые гангстеры» теперь не то что пальцем не тронут, но и постараются держаться от меня подальше.

В общем, так и вышло. Никто меня не тронул, никто ничего не говорил, и всё пошло своим чередом. Правда на своём велосипеде я больше никогда не катался.

Эту историю я вспомнил через сорок с лишним лет.

Я прогуливался с собакой, и мне навстречу, на велосипедах ехали девочка и женщина – скорее всего, её мама. Мы встретились взглядами с женщиной, и вдруг, эта история всплыла из самых глубин моей памяти, как забытая всеми подводная лодка, затерявшаяся в просторах мирового океана. Я вспомнил всё до мелочей и даже цвет краски, какой маленькие преступники красили обода ворованных колёс. А вот лица самих воров забылись, и слава Богу.

Я вернулся домой, заварил себе чаю и задумался.

А что, если всё это было не случайно? Может быть, эта, в сущности, не очень большая беда и случилась ради то-

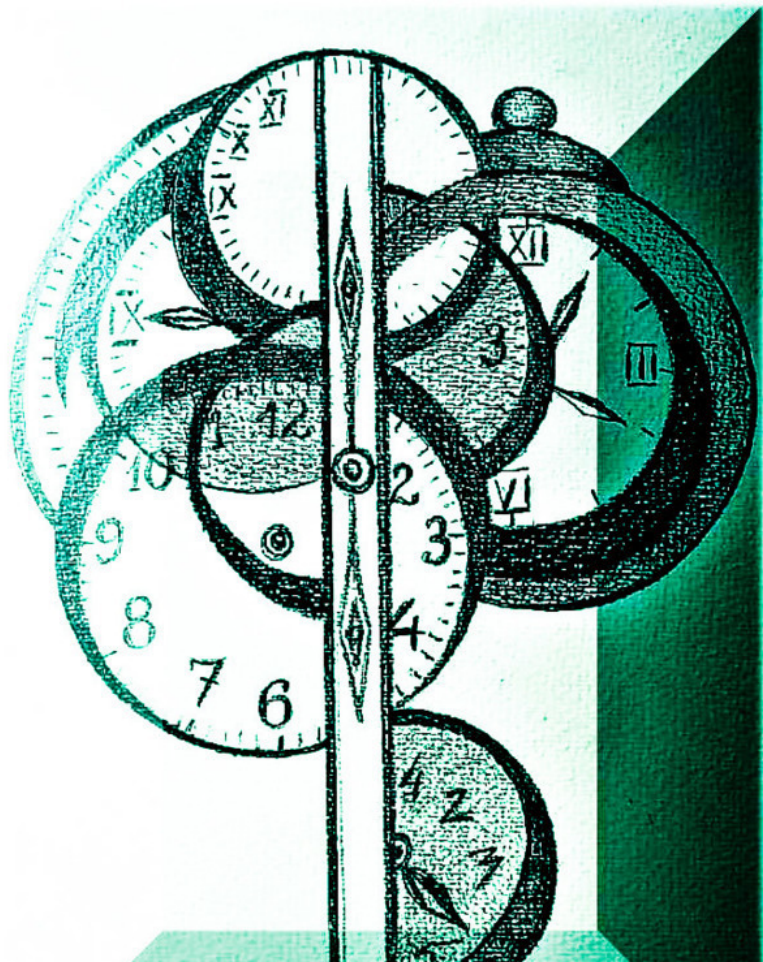
го, чтобы не произошло чего-то, гораздо более серьёзного, или даже, трагичного. Ведь всегда происходило и происходит множество всяких происшествий и несчастных случаев, других печальных событий, связанных с велосипедами и велосипедистами...

Может быть, кто-то из моих Хранителей очень не захотел, чтобы мы с другом в тот день поехали на речку на велосипедах...

Наверное, на этом умозаключении стоит остановиться в рамках наших подходов к планированию, а главное, корректировке Прошлого. Это не означает, что я забыл или простил негодяев. Это означает, что я изменил своё отношение к происшествию, взглянул на событие из далёкого будущего и успокоился.

Вот, собственно, и всё.

№2. Опоздание на поезд

Когда я был маленьким, если считать, что маленьким человек может считаться лет до 13 (именно в этом возрасте по мнению специалистов начинается процесс социализации личности), я часто мечтал о том, что было бы неплохо оказаться в недалёком прошлом (своём маленьком личном прошлом), но уже со знанием о делах, событиях и приключениях, случившихся за прошедшее время и всём таком прочем. Интересно, да? Никто ничего не знает, а ты один знаешь и имеешь возможность избежать нежелательных встреч и ссор, досадных поражений и жестоких обид от врагов... и друзей тоже. Более того, можешь с интересом понаблюдать за поведением окружающих, потому что известен каждый миг, каждая минута наступающего будущего. Тебе наперёд известно, что сделает твой приятель, какую оценку выставит учитель, что скажет мама... Ты точно знаешь, что в школе на родительском собрании, которое в тот раз почему-то было решено провести совместно с учениками, тебе ни при каких обстоятельствах появляться не следует. Тебе также не стоит делиться одним важным секретом с мальчиком, который на первый взгляд казался надёжным, потому что об этом секрете узнают все в классе, на следующий день... А девочка, которая тебе очень понравилась, влюблена в совершенно в другого...

Самое интересное, что я иногда думал об этом, будучи уже подростком, а затем юношей, и даже, молодым человеком.

Правда, уже несколько с других позиций. Совершая ошибки (и малые и большие), я теперь уже представлял себе, что мог бы их избежать, если бы кто-нибудь из Будущего подал какой-нибудь предупредительный знак. Кто-нибудь из Будущего... Но кто? Много позже я понял, что знаки, предвестники событий будущего попадают буквально на каждом шагу, нужно только научиться их «читать», распознавать... И это напрямую связано с жизненным опытом.

Однажды в новой жизни, а если быть точным – в начале января 2004 года я опаздывал на поезд сообщением «Москва-Львов», на котором должен был добраться до Хмельницкого, к маме. Сосед согласился доставить меня на Киевский вокзал на своей машине. Водителем он был первоклассным, а вот что касается остального, наверное, не очень. Поскольку выбрал не самый удачный, а, пожалуй, самый неудачный путь из района Марьино. Вместо того, чтобы попытаться проскочить обычным маршрутом через центр, он ушёл на Третье транспортное кольцо, где мы благополучно попали в глухую пробку. Хотя, возможно, мы бы и в центре влипли в такое же недоразумение, но тогда я видел бы не моего водителя, а себя, либо обстоятельства... Уже потом я осознал, что вообще большой ошибкой было добираться в рабочий день на вокзал на машине. Метро – вот единственный транспорт, который в состоянии доставить пассажира к поезду вовремя в девяти случаях из десяти.

Мы стояли в пробке, а время, как это обычно случается в таких ситуациях ускорило своё движение. Минуты бежали стремительно, секунд не было заметно вообще, разумеется, я очень нервничал, а Валера (сосед-водитель насвистывал какой-то молдавский мотивчик, поскольку мои проблемы его не заботили). До отхода поезда оставалось 35 или 37 минут, когда он высадил меня у станции метро «Кантемировская» (до сих пор не могу понять, как мы там оказались) и сказал: «Беги, может успеешь».

И я побежал.

Неимоверно тяжёлая дорожная сумка с подарками и книгами, чересчур тёплая куртка и тяжёлые зимние ботинки не способствуют быстрому передвижению по ступеням эскалаторов и просто ступеням вверх и вниз на станциях, где мне нужно было делать пересадки. Ускорить движение электропоездов невозможно, но за время коротких перегонов я хотя бы мог отдышаться...

Я бежал, задыхаясь, рискуя либо упасть с лестницы, либо кого-нибудь зацепить сумкой и упасть вместе, обливаясь потом и проклиная миг, когда решил ехать на машине... бежал, хотя и осознавал, что всё это безнадёжно.

И вдруг, в какой-то момент, кажется это произошло при переходе со станции «Театральная» на станцию «Площадь революции», я что-то почувствовал. Что-то упорно стремилось в моё сознание, и буквально умоляло меня на мгновение ни о чём не думать. Это что-то преобразовалось в до-

вольно ошутимую мысль-сигнал. «Беги! Беги быстрее!». Если бы мысли могли иметь цвет, то этот сигнал был бы ярко-красным. Во всяком случае, я так его себе представил. И ещё мне показалось, что я понял, что кто-то посылает мне эту мысль. Но кто?

Я вырвался из недр метро на «Киевской», когда часы на башне Киевского вокзала показали, что до отхода поезда осталось четыре минуты. Я чувствовал, что сил пробежать площадь Киевского вокзала, пронестись сквозь зал ожидания, а потом отыскать свой поезд на одном из пятнадцати путей, у меня уже не осталось.

«Беги!» – опять, будто электрический разряд сверкнул перед глазами, и я снова побежал.

На входе в здание вокзала, словно специально меня ожидая, откуда-то вынырнул неприметный мужичонка бомжеватого вида. «Что, помочь?» Я отдал ему сумку и мы понеслись: я – из последних сил, дыхание сбилось и вырывалось из лёгких с присвистом, ноги налились свинцом; мужичонка – еле слышно матерясь. Моего добровольного помощника хватило лишь на три четверти этого отрезка продвижения к цели. Но это была очень большая помощь, если не сказать, решающая. Мне удалось немного отдышался за эти полминуты.

Я сунул ему сотню, подхватил сумку и выскочил на открытые перроны – по моему мнению, львовский поезд должен был отправляться с какого-то из 13, 14 или 15 пути. Так

и было. Там стоял единственный поезд, составленный из вагонов синего цвета, и я понял, что это он. Последние метры я преодолел чуть ли не ползком, со стонами и оказался у открытой двери заднего тамбура последнего вагона. Там, в тамбуре я увидел двух самых прекрасных украинских женщин в форме проводников, ожидающих отправки поезда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.